

было! Он подробно рассказывает о своём хозяйстве, перспективах, о своей жизни... А когда в деталях делится, как бы между прочим, воспоминанием о пожаре в тайге, виденном им лично, Зинаида Евгеньевна не сдерживает своих эмоций: «Интересно. Как страстно вы это поведаете! Такое не придумаешь! Это пережить и прочувствовать надо!».

Конечно же, кредит под будущий урожай Анатолий Петрович получил. Люди не остались без зарплаты. Той же осенью долг был возвращён.

Но встречались и недовольные работники, из тех, кого во все времена называют бездельниками и краснобаями. С такими на коротких рабочих летучках Анатолий Петрович не церемонился. Рубил правду-матку в глаза, а иногда выступал с проблемными статьями в местной печати, порой делал это стихами, обращёнными к конкретным узнаваемым лицам. На одном из производственных собраний (напомню, дело происходило во времена перестройки) директор прочитал такие стихи:

закоулков с хитроумно расставленными в самых неожиданных местах ловушками, капканами».

Такие «ловушки и капканы» обычно расставляют люди ущербные, завистливые, чем-то обиженные богом. Конечно, как у всякой яркой личности — а ею несомненно является Анатолий Петрович, — таких нечестных на слово и на руку типов ему хватало с лихвой.

Они, как и главный зоотехник Бахтин, повсюду незримо преследуют его. То умышленной поломкой служебной машины на трассе, чуть ли не стоившей жизни молодому директору, то неожиданным вызовом в самую страдную пору в прокуратуру держать ответ за чужие грехи...

Вообще все эти и другие полудетективные трудовые и житейские истории проходят через всю непростую судьбу главного героя. Держат в неослабном напряжении читательский интерес, заставляют волноваться, сопереживать. Ведь на фоне бурных и непростых рабочих недель параллельно разворачивается не менее захватывающая семейная жизнь Анатолия

Читая роман Переверзина, я не раз ловил себя на мысли: «Эх, таких бы людей, как Анатолий Петрович, в российское правительство! Глядишь бы, и реформы сдвинулись с места на благо своего народа, и Россия не стала бы «страной-дауншифтером». Не вывозились бы из неё вот уже четверть века, благодаря горе-реформаторам, природные богатства, капиталы и лучшие умы».

...Когда-то выдающийся русский поэт Юрий Кузнецов, ознакомившись со стихами Ивана Переверзина, сказал своему младшему брату по перу, что ему особенно удаются стихи о любви, пейзажная лирика. Посоветовал писать в русле Ивана Бунина. Поэт хорошо запомнил совет Кузнецова, которого считает своим учителем. У Переверзина вышло много прекрасных книг стихов, сделавших его имя широко известным. Поэтому и проза его глубоко поэтична. Это одним из первых заметил мэтр отечественной литературы, блистательный писатель Валентин Распутин, случайно прочитав в газете рассказ Переверзина. И новое его произведение

сорокаградусном морозе мгновенно превращался в клубящийся пар, неслись во весь дух, на крутых поворотах раскатывая и ударяя сани о сугробы с такой силой, что молодухи от страха вывалились в снег визжали, как оглашённые, но счастливые безмерно!».

Так передаёт в своём романе (а хочется сказать: пишет масляными красками) картины северного края Иван Переверзин — поэт-художник, писатель-художник, не уступающий знаменитым полотнам К.Коровина и Б.Кустодиева.

Тут мне хотелось бы сказать и о манере письма автора. Древние мастера говорили: искусство — это не то, что видишь, а то, что чувствуешь. Эту же мысль можно отнести и к новому роману Переверзина, в котором автор прекрасно «видит и чувствует» своих героев, как искусный скульптор, узнаваемо и зримо выаяет пером их портреты, образы, характеры... И есть, конечно, неповторимые эпизоды, относящиеся к женщине, к самым сокровенным мужским тайнам и чувствам, делающим нас чище и лучше. Недаром эстетический ценз любого художника — кисти или слова — психологи определяют их любовью и отношением к женщине. У Переверзина это показано так:

«Глаза её жарко блестели, сочные губы были чувственно приоткрыты, на чистом лбу лежала нежная прядь духмяных волос. Он лёгким движением ладони отвёл её в сторону, коснулся горячей щеки — и по его телу вихрем пронёсся сладостный огонь глубокой нежности, быстро переходящий в сладостное желание близости. Сердце, словно объётое пламенем, часто-часто забило, в висках заухала наполненная страстью молодая кровь, дыханье, как перехваченное, стало порывистым, жарким... И он, лишь горячо прошептал: "Как же я тебя люблю!..", в каком-то полубомбочном состоянии осознал, что оба огромных мира — земли и неба — сузились до таких пленительных, таких удивительно милых губ жены — и ему нестерпимо захотелось с головой зарыться в жаркий сугроб её натянувшегося до стонущего звона ядрёного, молодого тела».

Было время, когда критики делили условно прозу на «городскую» и «деревенскую». Имена этих писателей, по-своему прекрасных, называть не буду, они любимы и на слуху ещё у читателей старшего поколения. Нет, я не отношу новое произведение Переверзина к чисто «деревенской», но смею смело утверждать, что никому ещё из писателей ни до него, ни сейчас, не удалось проникнуть так глубоко и всесторонне в жизнь, в труд и быт сельского жителя последней четверти прошлого века. Причём всё это сделано с любовью, процежено сквозь сердце, интровертально, что каждая страница романа дышит утренней свежестью, пронзительно искренним слогом и передаёт аромат и дух той прекрасной, сложной и противоречивой эпохи.

...Ещё с юности я вывел для себя формулу: если с полубившимися героями прочитанной книги мне было грустно расставаться, ставил книгу на заветную полку, чтобы когда-нибудь к ней снова вернуться. Так было с лермонтовским «Героем нашего времени», с шолоховским «Тихим Доном», с катаевским «Белеет парус одинокий»...

Закрыв последнюю страницу романа Ивана Переверзина «На ленских берегах», я испытал нечто подобное. Однако в начале статьи уже заявил об условном литературном замке. Такой замок писатель построил своим искромётным талантом и трудолюбием. Заселил его неординарными людьми, симпатичными и не очень. И у меня как у читателя естественно возник любопытный вопрос: а как, интересно, сложатся дальше их судьбы?

Ведь не зря же в начале романа автор устами своего героя оптимистично заверил: «Но жизнь продолжается — и то, какой она будет, во многом зависит от нас!».

Да, это, несомненно, так, но уже сейчас можно уверенно констатировать, что новое произведение Ивана Переверзина «На ленских берегах» займёт достойное место среди лучших книг русских писателей нашего времени.



«Вновь правду о дельцах не скрою... / Приняв сегодня на словах, / на самом деле меж собою / они её разносят в прах. / И, видимо, понять не в силах: / как это можно позволять / судьбу их прямо в коллективах, / открыто, миром всем решать. / Но мы-то знаем: всё им ясно, / и даже больше, чем другим, / но эта гласность, эта гласность — / она как суд извечный им! / Они не сеют и не пашут, / дома не строят, хлеб не жнут, / они с трибун руками машут / да речи-лозунги плетут. / Одно и скажешь: прохиндеи, / а если проще — болтуны, / взбравшиеся к нам на шею, / увы, без пользы для страны!».

Главный зоотехник совхоза Бахтин — демагог и недобросовестный работник, дослушав стихотворение до конца, понял, что эти строки относятся к нему — и воистину права поговорка, что «на воре и шапка горит», — не выдержал и с места обидчиво выкрикнул: «Вы сейчас нанесли мне жестокое оскорбление! Я буду жаловаться». На что Анатолий Петрович спокойно, не повышая голоса, ответил: «Сколько угодно — это ваше право! Тем более, надо ещё разобраться, на что у главного зоотехника уходит больше рабочего времени — на работу или на написание всяких доносов!».

Как и всякого раннего человека, главного героя романа жизнь порой заставляет остановиться, оглянуться, проанализировать тот или иной пласт прожитых лет. В такие минуты он размышляет: «Как же всё же не просто устроен человек: чем выше он восходит по служебной лестнице, тем больше отдаляется от себя, того молодого, который каждый день, словно впервые, открывает окрестный, — да не только! — с виду вполне ласковый мир, а на самом деле сплошь состоящий из тёмных

Петровича, его жаркая и звёздная привязанность к Марии Васильевне с обоюдостью, не всегда обоснованной ревностью, неизменной пылкой любовью, о которой бессмертный Петрарка сказал: «Сильна, как смерть!». На таком высоком уровне читается роман Переверзина, ибо его герой, постоянно ищущий, творческий, живёт на «разрыв аорты». У таких людей горизонты жизни необычайно широки и обусловлены не только масштабами своей работы, но и глубокими серьёзными и лирическими рассуждениями о судьбе своей страны, её людях, армии, литературе...

Об этом писатель повествует светло, одухотворённо. Привязанность его к Якутии, к «малой своей родине», не показная. Она сопровождает Анатолия Петровича повсюду: в поездках по республике, в прогулке с женой по родным местам, где можно искренне поделиться сокровенными мыслями: «И мне, как никогда, хочется с тобой рядом — плечо к плечу! — пройти по этому старинному селу, чтобы, дыша воздухом, насквозь пропитанным прошлым, в котором жили и умирали мои предки, укрепиться их несгибаемой волей и жизненноутверждающей силой! Понимаешь меня?».

Да, Мария Васильевна начинает понимать своего мужа, истоки его любви к этой неласковой северной земле, когда он говорит: «Пройдёт ещё не одна сотня лет, а мы всё так же будем стоять на этой суровой якутской земле, приотлившей и обогрешшей в страшном холоде, на снежных, колючих ветрах наших исконно русских лицом и характером хозяев, не побоявшихся в поисках лучшей жизни за несколько тысяч вёрст от родных мест забраться в таёжную глухомань и жить в ней так, что она со временем стала их второй родиной!».

читается, как стихи, и сердце наполняется воздухом великой реки Лены, дивной прелестью тамошней природы:

«И даже в самый знойный день там стоит пряная тенистая прохлада, сладко пахнущая резедой, мятой, и терпко — пыреем, — в общем — блаженно лежал бы и лежал, словно осязаемо чувствуя, как в тело невидимыми, но как бы звенящими ручейками перетекают, делают его упругим, сжатым, как хорошая стальная пружина, земляные силы! А какой на заречных лугах дикий луг вырастает! С ладонь, не меньше! — вымахивает щавель. А саранкам, — этим нашим якутским диким розам — вообще нет числа! Любуешься их светло-красными, бархатными, в белых крапинках большими бутонами — и от красоты аж дух захватывает!».

Не могу удержаться, чтобы не процитировать и картину Масленицы, которую сохранил в памяти с детских лет герой романа:

«В Масленицу, настоящий, уходящий в глубину многотысячных лет, самый русский зимний праздник, дядя Андрей в обязательном порядке из отцовской конюшни выбирал самых нахрапистых, быстрых на ноги трёх лошадей разной масти, впрягал в сани-розвальни с задней стойкой, украшал их разноцветными лентами, еловым лапником, на днище, под ноги, бросал охапку сена, рассаживал поудобней молодых — кровь с молоком! — краснощёких девок — и под неугомонный, залихватный лай уличных собак, серебряный перезвон колокольчиков, подвешенных к самой цветасто раскрашенной дуге, упершись ногами в настил и слегка отпустив вожжи, давал такую волю лошадям, что они, хрипя и выдыхая с шумом из лёгких воздух, который на